

УДК 316.4; 378.4

Карпенко Анастасия Юрьевна

специалист-эксперт отдела сопровождения инвестиционных проектов,
Министерство экономического развития Ростовской области,
milena.555@mail.ru

Anastasia Yu. Karpenko

Specialist-expert , Investment projects support Department,
Ministry of Economic Development of Rostov region,
milena.555@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

TRANSFORMATION OF THE UNIVERSITY'S MISSION: PAST AND PRESENT

***Аннотация.** Статья посвящена трансформации миссии университета, его социального предназначения в соответствии с теми общественными процессами, которые имели место в ходе развития европейской цивилизации. Автором проведен анализ миссии университета в доклассической, классической и постклассической формациях. Им также отмечается, что миссия университета не может быть определена произвольно, ее выражение подчинено задачам и особенностям системных связей, которые возникают у него в процессе взаимодействия с наиболее значимыми для каждого периода истории социальными субъектами: Церковью, Государством, Городом (Рынком).*

***Ключевые слова:** миссия университета, эволюция университета, образование, академическая среда.*

***Annotation.** The article is devoted to the transformation of the university's mission, its social purpose in accordance with the social processes that took place during the development of European civilization.*

An analysis of the university's mission was carried out in the pre-classical, classical and post-classical formations.

It is noted that the mission of the university cannot be defined arbitrarily, its expression is subject to the tasks and peculiarities of the systemic connections that arise in the process of interaction with the most important social actors for each period of history: the Church, the State, the City (Market).

***Keywords:** university's mission, evolution of the university, education, academic environment.*

На всем протяжении существования университетов в Европе их миссия постоянно изменялась, подстраивалась под все новые общественные потребности. В связи с этим можно констатировать, что социальность является важнейшим свойством миссии университетов. Отсюда представляется вполне

естественным, что ее видоизменения трактуются учеными в соответствии с теми общественными процессами, которые имели место в ходе развития европейской цивилизации.

Объяснений этому процессу дается немало. Общим когнитивным основанием для сложившегося дискурса является понимание того, что изменения миссии университета, равным образом, как и сами структурные трансформации данного типа высшего учебного заведения, подчинены логике изменений, происходящих в обществе под воздействием причин более высокого порядка, чем те, которые действуют напрямую в системе образования. Иными словами, новое общество, неизменно порождающее новых субъектов влияния на Университет, требует от него решения новых задач, оформленных в новой миссии.

Во-первых, необходимо иметь в виду, что уже в эпоху нового времени, а, пожалуй, даже и позднего средневековья, европейские университеты не развивались по какой-то одной схеме. Они различались разными структурами, количеством обучающихся, степенью прочности связи с государством, способностью к существованию в режиме автономности (и с точки зрения определения учебных программ, и относительно источников финансирования). Кроме того, университеты находились в разной социокультурной реальности, что, в свою очередь, обуславливалось разной исторической судьбой европейских народов. Можно ли сравнивать условия развития французской нации и нации немецкой? Только до известных пределов, понимая, какими разными являются эти условия.

Надо ли говорить, что и миссия не могла быть какой-то универсальной. Университет является частью общества, и в силу этого не может быть полностью автономным от общества, ставить перед собой задачи, к которым общество индифферентно, осуществлять функции, не имеющие для общества значимости [1]. Мы полагаем, что этот аксиоматический факт не нуждается в доказательствах. Однако приводим его с той целью, чтобы привлечь внимание к производной от него мысли, в соответствии с которой не только в наше время, но и в другие исторические эпохи у Университета не было какой-то одной миссии. Причем они различались не только по хронологии на разных стадиях развития Общества и Университета (это доказывать в силу очевидности нет смысла), но и в один и тот же исторический период. Уже в позднее средневековье четко оформились разные типы университетов, и они реализовывали разные миссии – в зависимости от социокультурных условий и потребностей ведущих субъектов, задававших направление развитию института образования. Этот тезис мы и постараемся обосновать, обратившись к историческому опыту эволюции европейских университетов.

Но прежде мы еще озвучим несколько тезисов методологического характера [2]. По нашему мнению, нет необходимости отказываться от устоявшейся и принятой большинством ученых схемы развития университетов, выражающихся в трех формациях: доклассический – средние века, классический – новое время, постклассический – новейшее время. Данная линия развития без ненужных и чрезмерных усложнений выражает в

сформировавшемся дискурсе об университетском образовании следующую идею: был некий этап, когда Университет находился на стадии своего формирования (средние века); есть Университет стандартного типа, к формации которого мы привыкли и почитаем ее в качестве эталонной (классический Университет в новое время); и, как новая реальность, возникает непривычная для нас современная университетская формация, которую нам только предстоит переосмыслить и принять, либо отвергнуть (постклассический Университет новейшего времени).

В принципе, мы видим противоречия и в таком конструировании эволюции Университета. Поэтому и к этой схеме у нас возникает множество вопросов критического характера. Однако мы до поры до времени не планируем от нее отказываться. Данная схема, несмотря на ее очевидную ошибочность, отражает ту наиболее явную связь между миссией и социальными процессами, которая неизбежно складывалась в силу особой исторической роли Университета. Образование никогда не было просто образованием. Будучи социально организованной системой передачи знаний, оно выступало нечто большим, чем просто трансфером образованности. "*Scientia et potentia humana in idem coincidunt*" – фраза, приписываемая Френсису Бэкону, отражает общественное предназначение высшего учебного заведения. Знание всегда содержало и содержит сейчас могучий мировоззренческий, идеологический потенциал. Однако Университет не мог быть в силу своей зависимости, уязвимости, социальной слабости самостоятельным "игроком", использующим такое оружие в одиночку. Рядом с ним должен был находиться могущественный покровитель, способный в нужный момент оказать поддержку, защитить, обеспечить всем необходимым (в том числе финансами) и т.д. Таким покровителем в средние века была Церковь; в новое время – нарождающееся буржуазное Государство, заинтересованное в соответствующем идеологическом обосновании своего существования; в новейшее время – Рынок, требующий от современного высшего образования высококвалифицированных специалистов-предметников. Именно эти субъекты, каждый в свое время, были творцами основной, но, как мы покажем далее, отнюдь не единственной миссии Университета.

Оценивать логику эволюции миссии, как нам представляется, наиболее продуктивно через постулирование четкой взаимосвязи между социальным предназначением Университета, т.е. его миссией, и его организационной структурой, а также парадигмой образования [3]. Эти два аспекта, менее значимые на этапе становления Университета в средние века, приобретают важную роль для оценки его в новое время и крайне необходимы для уяснения миссии в наше (или новейшее) время.

Какой-то конкретной даты зарождения университета в Западной Европе не существует. Базовым принципом становится "*universitas magistrorum et scholarum*" – объединение учителей и учеников. Извечное стремление к сокращению, редукции привело к тому, что в повседневной практике начинает использоваться только первое слово. Так рождается семантическое понятие "университет" [4].

Сразу надо заметить, что чего-то необычного в этой корпорации не было. Как раз наоборот, здесь реализовался наш исходный постулат о социальной обусловленности миссии университета и его организационной структуры, который всегда выражался с теми или иными задержками по длительности в социальной практике на разных стадиях эволюции университетов. В данной ситуации, в анализируемое время речь идет о цеховой модели, типичной для того времени. Иными словами, университет представлял собой образовательный цех, внутри которого "Мастера" передавали необходимые знания "Подмастерьям" и "Ученикам". Ничем иным, кроме средневекового Цеха, Университет в то время быть не мог.

Что касается миссии, то уже для ранних этапов развития Университета периода его зарождения, и мы опять возвращаемся к нашему постулируемому тезису, ее нельзя было сформулировать однозначно. Да, ведущая роль до определенного момента принадлежала Церкви, а философия – была "служанкой богословия" [5]. Но уже к закату средних веков, а на уровне наметившихся тенденций – значительно ранее, появляются ряд моментов, которые выступают против навязывания в рамках научной рефлексии для университетов какой-то одной мономиссии.

На рынке образовательных услуг, если так можно выразиться относительно того времени, было три сильных игрока:

- Церковь, заинтересованная в квалифицированных богословах, которые должны были поддерживать религиозный авторитет в массах;

- Город, испытывавший потребность в грамотных юристах и медицинских работниках;

- Государство, интересы которого имели двоякий характер:

- 1)получить юридическое и философское обоснование приоритета светской власти над религиозной и

- 2)необходимые кадры для обслуживания усложняющегося документооборота и подготовки офицеров для армии и флота.

Наличие столь разнонаправленных векторов уже на начальном этапе сформировали совершенно разные миссии для средневекового университета. Объединить их как-то органично было совершенно невозможно, т.к. они имели разную природу, обуславливались разными потребностями и иницировались разными субъектами. В силу этого сами университеты, при всей внешней схожести их структур, были в значительной степени разными образованиями. Так, более демократичным, в сравнении, например, с Парижским, был университет в Болонье, где студенты имели право выбирать ректора, изгонять профессоров, прерывать занятия и т.д. [6]. Подобная демократия объяснялась тем, что в Болонье наиболее "сильным игроком" в образовательном процессе были Город (и государство в одном лице), что было типично для Италии, где процессы централизации власти длительное время тормозились наличием многих объективных причин [7], а не Церковь, как произошло в Париже [8]. Уже в доклассический период в университетах, реализовывавших разные миссии, наметилась специализация, и будущий студент имел возможность выбирать в какое учебное заведение ему пойти учиться не из-за

территориальной близости к нему, а при наличии четко сформулированных предметно-мотивационных предпочтений.

Такое положение во многом сохранилось и в Университете классическом (эпоха нового времени), к анализу миссии которого мы далее переходим. "Университет умер" – таков исходный тезис многих современных исследователей, которые являются активными участниками дискурса вокруг проблематики миссии университета. Но если это так, то какое же определение необходимо подобрать для ситуации начала XIX века, когда, например, во Франции все действующие университеты были разделены на отдельные факультеты и превращены в специализированные высшие школы институтского типа.

В самом деле, тенденции, утвердившиеся в институте образования в начале XIX столетия, свидетельствовали о том, что Университет, как разновидность образовательного учреждения, доживает свои последние дни. Столь категоричное суждение может быть оправдано лишь с позиции того времени, а не сегодняшнего дня, когда нам известно, что Университет адаптировался к кризису и вышел из него переформатированным. Но тогда, как и многим сейчас живущим в условиях развала университетского образования казалось иначе. Во-первых, Университет переживал глубокий внутренний кризис, и были серьезные сомнения в его способности, да и самой необходимости преодоления этого кризиса. Во-вторых, в период возрастания роли государства, как главного регулятора социальных отношений, в том числе в системе образования, было не совсем ясно, заинтересовано оно в существовании университета или нет. Законодателем мод в XVIII веке была Франция, а французская система образования, между тем, уже освободилась от университетов.

Еще более категорично можно сформулировать мысль о том, что Университет прекратил свое существование как независимая феодальная корпорация, миссия которой состояла в том, чтобы готовить "законников" и "лекарей" – для Города; "чиновников" и "военных" – для Государства; "властителей ума и душ" – для Церкви. Именно использование трех этих предназначений позволяло Университету выторговать себе все необходимые привилегии для того, чтобы быть самостоятельным и органичным субъектом феодального мира. Ликвидация этого мира с неизбежностью должна была повлечь за собой крах Университета как реальной корпорации. Между тем, этого не случилось. Университет сохранился и как реальность, но, в большей мере, как проект.

Чтобы понять природу этой эволюции, мы должны проследить за судьбой трех базовых субъектов, в опоре на позицию которых строилась миссия доклассического университета. Мы имеем в виду всё те же Город, Церковь и Государство. Там, где сохранилась сила Города (Италия, Англия, некоторые немецкие княжества), Университет оказался инкорпорированным в систему горизонтальных связей, и его перспективная трансформация была подчинена следующей логике. Здесь реализовывалась утилитаристская модель Университета: открытого обществу, ориентированного на текущие социальные

потребности, подчиняющего образовательный процесс ретрансляции знаний. Данная модель проистекала от того, что Город был ориентирован на частные интересы, которые имманентно ему присущи на всех этапах развития. В тех частях Западной Европы, где неизменной в течение длительного времени оставалась сила Церкви, университеты по распоряжению Государства (например, во Франции) в основном исчезли или превратились специализированные учебные заведения узкопрофильной направленности. Что касается роли Государства, то именно его заслугой является превращение Университета в некий социальный проект, преследующий далеко выходящие за пределы образования, а тем более, образованности, цели. Речь идет об его важнейшей роли социального института, способствующего обретению национальной идентичности. В этом своем качестве Университет соответствует учебному заведению иного типа. Его универсалистская направленность органично связана с социальной сущностью государства – интегрировать общезначимые интересы. Поэтому подобный Университет должен был быть поставлен за пределы ограниченной концепции полезного знания, значимого и важного для такого заказчика, как Город. Здесь же, под воздействием организующей и поддерживающей силы Государства, знания должны были иметь нечто большее, чем просто полезное применение в медицине или юриспруденции. Эти знания должны были стать и символом, и знаком, и целью, и ориентиром, и результатом.

Мы отдаем себе отчет в том, что подобная схема, связывающая миссию Университета с потребностями трех разнонаправленных субъектов, имеет условный характер и может быть подвергнута критике с позиции обращения к эмпирическим фактам, которые неизбежно выявят ее изъяны и произвольные допущения.

Так, некоторые университеты Германии (например, самый первый, открытый в 1386 году в Пфальце) были далеки от идеологии национальной идентичности, и в этом компоненте мало походили на знаменитый Берлинский университет. Также очень трудно выстроить какую-то единообразную линию вокруг столь крупного университета, как Оксфордский. Изначально его развитие, как корпорации, осуществлялось в борьбе с Церковью и Городом за независимость, союзником в которой было Государство (королевская власть) [9]. Но университет не стал и частью государственной политики, т.к. в позднем средневековье и начале нового времени был участником идеологических войн гражданских общин и за, и против королевского абсолютизма, что в конечном итоге способствовало утверждению в Англии горизонтальных связей.

Нам представляется, что привязка миссии университета к его взаимодействию с тремя социальными субъектами – Церковью, Городом и Государством, позволяет нам понять два важнейших момента. Во-первых, миссия Университета не могла быть исторически сведена к какой-то одной знаковой социальной функции, и не может быть смоделирована так же однозначно примирительно к нашему времени. Она не только на разных исторических этапах имела поливариантный характер, как это принято думать, но и в каждый исторический этап тоже характеризовалась многозначностью,

что определялось связью того или иного университета или его части с одним из трех выделенных социальных субъектов. Во-вторых, сведение миссии к реализации заказа Церкви, Города или Государства дает нам возможность оценить исторические перспективы развития Университета. Это важно для того, чтобы современный кризис университетской системы не рассматривался нами, как нечто исключительное и небывалое. В этом кризисе есть своя логика, в которую заложена общая линия эволюции образования, как социального института с момента его зарождения в средние века. Эту логику важно понять для оценивания природы текущего кризиса, сформировавшегося на рубеже XX–XXI веков.

Обратимся кратко к результату выхода Университета из кризиса, который вошел в науку под названием классический Университет. Классический Университет – детище начала XIX века. И когда мы произносим это словосочетание, то его коннотация приобретает в нашем восприятии представление некоего идеала, из-за утраты которого сегодняшнее положение в высшем образовании рассматривается не иначе, как кризисное. Появление классического Университета связывают с реформами немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта.

Основной акцент сделаем на социальных последствиях реформы, их роли в становлении университетского образования во всем мире. В. Гумбольдт реформировал всю систему образования королевства Пруссия. По реализованной им модели первый уровень составляли народные школы, средний – гимназии, высший – специализированные институты (например, учительские) и, вершина пирамиды, Берлинский университет.

Если ориентироваться на внешнюю структуру Берлинского университета, то она, на первый взгляд, мало чем отличалась от университета средневекового. Те же четыре факультета: медицинский, юридический, философский и теологический, что были и раньше [10]. Однако даже с точки зрения организационного аспекта данное заведение мало чем напоминало средневековую корпорацию. Его структурными принципами можно назвать консервативность, элитарность, бюджетность. То есть университет был открыт для небольшого и фиксированного количества обучающихся (наиболее достойных и выдержавших вступительные экзамены), чья образовательная деятельность полностью финансировалась государством. Даже сейчас плата за обучение в нем по европейским меркам символическая – 280,70€ за семестр [11].

Что касается знаниевого аспекта, то в нём выражается образовательно-идеологическая оставляющая миссии университета. Примирительно к университету Гумбольдта это принципы универсальности, фундаментальности, гуманитарности, научности. Интерпретация этих принципов позволяет нам четко сформулировать миссию данного университета. Она была ориентирована на социализацию подрастающего поколения с целью формирования в нем духа немецкой нации. Реализация данной миссии была бы возможна, как утверждал В. Гумбольдт, если бы удалось воспитать человека свободного духом, рационально и критически мыслящего, но четко осознающего свою

национальную идентичность и готового, вследствие этого, к деятельности во благо нации под воздействием чувства социальной ответственности и любви к родине.

Применяя столь высокие эпитеты, нужно понимать, что В. Гумбольдт стремился сохранить от старого средневекового университета всё самое лучшее. По его мнению, университет не должен был оказываться в положении мелочной бюрократической опеки государственных чиновников. Напротив, предполагалось, что он сохранит значительную часть своих автономий. Особенно это касалось тех организационных моментов, которые были связаны с формированием социализаторской среды, в условиях которой осуществлялась реализация означенной миссии. Логический смысл требования подобной автономии очевиден: чиновник, пусть даже наделенный огромными властными полномочиями, еще не все государство. Однако его властные амбиции могут идти вразрез с принципами разумности и целесообразности, и оказывать, таким образом, негативное влияние на жизнь университета из-за чинимого им произвола.

Нам представляется, что на стыке организационного и знаниевого аспектов миссии классического университета мы можем обнаружить понятие, которое возникает при правильной их реализации (отталкиваясь от замысла В. Гумбольдта, как идеала) в практике конструирования университета. Этим понятием является академическая среда. Именно в ней появляются необходимые формальные, но, главное, неформальные нормы, которые выступают регулятивной основой для осуществления миссии классического университета, осуществляется развитие необходимых творческих качеств личности, которые в ином месте сформироваться не могут. Это, пожалуй, самое главное, что делает из классического университета, как реального этапа развития университетской системы Европы, представление об университете, как об идеологическом Проекте, реализующем миссию по формированию социальной идентичности нации.

Идеи В. Гумбольдта оказали огромное воздействие на университетскую жизнь Европы. Его принципы берутся в качестве эталона и распространяются на университеты других частей Германии и даже за ее пределами. Длительное время этому процессу сопротивляется Франция. С 1793 по 1896 гг. в этой стране вообще отсутствуют университеты [12]. Специализированные высшие школы выступают ретрансляторами знания, выполняя образовательную функцию. Научными исследованиями занимаются академии. Студенты – типовой продукт образовательной среды, начиненный полезными знаниями. Объяснение следует искать в том же самом пресловутом произволе власти. Стремление всё контролировать посредством помещения высшего университетского образования в бюрократическую структуру не оставляет место университетам в образовательном пространстве. Государство, как субъект, ликвидирует университет за его тесную связь с Церковью, а также опасаясь распространения всяких разных революционных идей, которых во Франции и так переизбыток. Однако спустя столетие, в 1896 году, университеты возвращаются, а вместе с ними в систему образования вновь

инкорпорируется структура, объединяющая исследовательскую и образовательную функции.

Однако даже после университетской реформы во Франции в 1896 году европейские университеты далеко не все были идентичны модели В. Гумбольдта. Совершенно особая модель складывается в Англии. Ни Оксфорд, ни Кембридж не становятся национальными университетами в том смысле, в котором это произошло в Пруссии в 1810 году или в Франции в 1896 году. По сути, несмотря на их бесконечную борьбу с горожанами, начавшуюся еще с XIII века, оба этих университета были частью гражданской английской общины, соединенной многочисленными горизонтальными связями с самыми разными структурами общества Англии. Их миссия была ориентирована на создание единой английской нации посредством формирования джентльмена – образованного лица, получившего универсальные знания, а также единого английского национального языка усилиями университетских филологов [13]. Роль Государства при этом в лучшем случае была сведена к статусу арбитра, который решал противоречия между Университетом, с одной стороны, и Церковью и Городом, с другой. В перспективе это привело к формированию англосаксонской системы образования, достаточно сильно отличающейся от континентальной. Итогом ее развития постепенно стало появление так называемого Университета Совершенства, находящегося в наши дни в сфере регулятивного воздействия и оценки принципиально нового субъекта – Рынка, роль которого нам далее предстоит оценить в контексте проблемы кризиса современного университета.

Подведем итоги. В соответствии с устоявшейся традицией в изучении эволюции университетов в практике их исторического функционирования прошло три этапа: доклассический, классический и постклассический. Данную позицию мы считаем верной лишь отчасти. Ее обоснованность проявляется в том, что она позволяет нам позиционировать классический этап в качестве некоего идеала, а миссию классического университета – как образцовую миссию. В то же время, мы убеждены, что в реальной практике развития университета, как важнейшей части института образования, не было каких-то эталонных образцов. Равным образом можно сказать, что и сами университеты имели более сложную эволюцию, проявляющуюся, в частности, в том, что в одно и то же время их развития в образовательном пространстве существовали разного типа университеты, реализующие разные миссии. Уже в развитом Средневековье Университет находился под давлением трех главных субъектов: Церкви, Города и Государства, стремящихся навязать университету ту миссию, которая отвечала бы именно их интересам. Церковь была ориентирована на формирование корпуса идеологов, обосновывавших ее превосходство, доминирование, духовное наставничество в обществе; Город связывал с Университетом удовлетворение потребности в квалифицированных медицинских работниках и юристах; Государство преследовало цели во многом идентичные с Церковными, что, в свою очередь, обуславливалось их конкурентным взаимодействием в средневековом обществе. Уже в те времена разные университеты, имея в своей структуре потенциально все три миссии, но

приоритетно находясь под наиболее сильным воздействием одного из трёх субъектов, транслировали ту, которая удовлетворяла интересам заказчика. Из позднего средневековья эта сложная модель была перенесена и в новое время. В эту эпоху в континентальной Европе, во многом под влиянием Франции и Пруссии, доминирующим субъектом, определяющим миссию для Университета, становится Государство. Это привело к ряду последствий. Прежде всего, к ликвидации Университета, как автономной и независимой средневековой корпорации. Данный процесс был неизбежен, так как вызывался разрушением феодализма во всех общественных сферах европейской жизни. Университет оказался лишь частью этого общего процесса. Кроме того, доминирование Государства привело к разрыву горизонтальных связей между Университетом и обществом, которые были ранее благодаря балансу во взаимодействии между Государством, Городом и Церковью. Ослабление позиции двух последних привело к резкому возрастанию значимости Государства. В это время также существенно меняется миссия Университета. Разрушение династических связей в Европе и формирование новых, так называемых буржуазных границ, внутри которых интенсивно осуществлялся процесс роста национальной идентичности ведущих европейских наций, поставило перед Университетом задачу способствовать этому усилиями гуманитарных наук. Упрочение и углубление процессов роста национальной идентичности объективно вело к увеличению силы Государства, вследствие чего Университет получил от последнего не просто поддержку, но и смог, несмотря на разрыв горизонтальных связей с обществом и утрату независимости, сохранить автономность в реализации образовательного процесса и внутренние корпоративные свободы. Эта модель Университета получила название классической. Между тем, и в эпоху нового времени, несмотря на всю свою значимость, она не была единственной. В Англии развитие университетов (Оксфорд и Кембридж) пошло по иному сценарию. Они сохранили за собой статус независимой корпорации, а вместе с этим и особое положение в системе гражданских горизонтальных связей. При этом меняется их ведущая миссия, которая также захватывается общими для всей Европы процессами пробуждения национального самосознания. Однако в Англии эти процессы поднимались из гражданской общины и не были поставлены под жесткий контроль Государства, как это произошло в континентальной Европе.

Литература.

1. *Культурология в вопросах и ответах. М.: Гардарики, 1999. С. 177-182.*
2. *Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 76-111.*
3. *Герасимов Г.И., Лубский А.В. Диалог о парадигмальном подходе в образовании // Гуманитарий Юга России. 2014. № 1. С. 119-137.*
4. *Маркова С.П. У истоков европейского университетского образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение. 2012. №3. С. 43.*

5. Бандуровский К.В. Проблемы этики в "Сумме теологии" Фомы Аквинского // *Вопросы философии*. 1997. №9. С. 21-22.
6. Скирбекк Г., Гилье Н. *История философии*. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2001. С. 78-80.
7. Серова О.В. *Горчаков, Кавур и объединение Италии*. М.: Наука, 1997.
8. Рутенбург В.И. *Университеты итальянских коммун // Городская культура. Средневековья и начало нового времени. Сб. статей под ред. В.И. Рутенбурга*. Л.: Наука, 1986. С. 98-120.
9. Лычагин А.В. *Эволюция взаимоотношений английских университетов с церковью, государством и городской средой в XIII - первой половине XV вв. Автореферат кандидата исторических наук*. Ставрополь, 2001. С. 17-22.
10. Фурман М. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // *Вопросы образования*. 2010. №3. С. 33.
11. *Европейские образовательные программы*. <http://euni.ru/ucheba/vysshee-obrazovanie/v-germanii/universitety/berlin/ru>.
12. Козлов С. *Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки*. 2013. №4.
13. Брашман Н. Д. *Об английских университетах // ЖМНП*. 1843. № 4. Отд. IV. С. 1-30.

Literature.

1. *Cultural science in questions and answers*. М.: Gardarika, 1999. Page 177-182.
2. Lubskey A.V. *Methodology of a social research*. М.: INFRA-M, 2017. Page 76-111.
3. Gerasimov G.I., Lubskey A.V. *Dialogue about paradigmalny approach in education//the Humanist of the South of Russia*. 2014. No. 1. Page 119-137.
4. Markova S.P. *At sources of the European university education//the Bulletin of the Adygei state university. Series 1: Regional studies*. 2012. No. 3. Page 43.
5. Bandurovsky K.V. *Ethics problems in "The theology sum" of Thomas Aquinas//philosophy Questions*. 1997. No. 9. Page 21-22.
6. Skirbekk G., Gilye N. *Istoriya of philosophy*. М.: VLADOS humanitarian publishing center, 2001. Page 78-80.
7. Serova O.V. *Gorchakov, Kavur and reunification of Italy*. М.: Science, 1997.
8. Rutenburg V.I. *Universities of the Italian communes//City culture. Middle Ages and beginning of modern times. Сб. articles under the editorship of V.I. Rutenburg*. L.: Science, 1986. Page 98-120.
9. Lychagin A.V. *Evolution of relationship of the English universities with church, the state and the urban environment in XIII - the first half of the 15th centuries. Abstract of the candidate of historical sciences*. Stavropol, 2001. Page 17-22.
10. Fuhrman M. *Wilhelm von Humboldt and Berlinsky university//Questions of education*. 2010. No. 3. Page 33.

11. *European educational programs.* <http://euni.ru/ucheba/vysshee-obrazovanie/v-germanii/universitety/berlin/hu>.

12. *Goats of Page. Evolution of the French educational model in the 19th century//Domestic notes. 2013. No. 4.*

13. *Brashman N. D. About the English universities//ZhMNP. 1843. No. 4. Otd. IV. Page 1-30.*